

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДМУНД
КРИСПИН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Эдмунд Криспин
Лебединая песня
Серия «Золотой век
английского детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42189324
Лебединая песня : [роман] / Эдмунд Криспин ; [пер. с англ. Л. Г. Мордуховича].: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113735-9

Аннотация

Первая послевоенная постановка «Мейстерзингеров» Вагнера. Оперный театр в Оксфорде собрал лучшую труппу. Но незадолго до премьеры Эдвин Шортхаус, исполняющий главную партию, был найден повешенным в собственной гримерке. Полиция считает это самоубийством, ведь комната была заперта изнутри. Однако прибывший на место преступления Джервейс Фен уверен – Шортхауса, в ком талант сочетался с невероятно вздорным характером, убили. Но кто это сделал? Молодой дирижер, которого покойный изощренно травил? Первый тенор, за чьей женой Шортхаус безуспешно ухаживал? Или парочка начинающих артистов, явно знающих о случившемся гораздо больше, чем говорят?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эдмунд Криспин

Лебединая песня

Посвящается Годфри Сэмпсону

Серия «Золотой век английского детектива»

Edmund Crispin
SWAN SONG

Перевод с английского *Л.Г. Мордуховича*

Печатается с разрешения Rights Limited c/o Peters, Fraser and Dunlop Ltd и The Van Lear Agency LLC.

© **Rights Limited, 1947**

© **Перевод. Л.Г. Мордухович, 2016**

© **Издание на русском языке AST Publishers, 2019**

Дорогой Годфри!

Ты не любитель подобных историй с убийствами, я это знаю. И конечно, не стал бы посвящать тебе эту вещь, если бы не «Мейстерзингеры». Тут уж невозможно было удержаться. Ведь это ты приобщил меня к благородному делу служения музыке еще в то время, когда я прогуливал уроки фортепиано. Тогда-то и началась наша дружба.

История, рассказанная в этой книге, произошла среди людей, занимающихся не просто музыкальным творчеством, а участвующих в постановке одного из шедевров Вагнера. Так прими мое посвящение, и будем надеяться, что это выдающееся создание мастера вернется наконец на сцену Ковент-Гардена. И при этом не возникнут коллизии, описанные на следующих страницах.

Твой Э. К.

Девон, 1946

Глава 1

Замечено, оперные певцы большим умом не отличаются. Такое впечатление, что это своего рода расплата за особое устройство гортани, голосовой щели и всего прочего, предназначенного для издания приятных нашему слуху звуков. Провидение по странному капризу награждает певцов разумом, какой можно встретить разве что у домашних птиц. Соответствующим воспитанием этот дефект можно смягчить, но уж никак не исправить. Потому мы и сталкиваемся с чрезмерной обидчивостью и странными причудами. В театрах подобных певцов приходится встречать чаще, чем где бы то ни было. Можно, конечно, вспомнить балетных танцовщиков, они тоже в большинстве своем наивные и недалекие, но все же не настолько. Разумеется, с данным утверждением любой вправе не согласиться, однако позвольте мне остаться при своем мнении.

Элизабет Хардинг, несомненно, тоже была об этом наслышана, а недавно убедилась воочию, регулярно посещая репетиции «Кавалера розы». При этом она почти сразу выделила Адама Лангли. Он являл собой приятное исключение, ибо в отличие от большинства коллег был, несомненно, умен, образован и приятен в общении. К тому же красив. Качества в совокупности весьма редкие в этой среде.

И тут случилось нечто невероятное. Элизабет, которая

любую ситуацию оценивала трезво и основательно, а благодаря своим способностям, твердости характера добилась в жизни устойчивого положения, вдруг взяла и влюбилась в Адама Лангли. У него, возможно, были недостатки, но она о них и думать не хотела.

В моменты просветления она осознавала, что находится в плену безрассудной страсти, и удивлялась, как это могло случиться. Она, критически мыслящая молодая женщина двадцати шести лет, ухитрилась так низко пасть и скатиться до состояния, которое за неимением подходящего слова всюду называют любовью. Это же так избито и банально, а подобных любовных историй вокруг и не счесть. Со своими симптомами ей бы лучше обратиться к врачу. Но ничто не помогало. Она продолжала думать об Адаме, особенно вечером перед сном, и, к своему ужасу, осознавала, что никакого унижения не испытывает, а наоборот, это чувство так восхитительно кружит голову, возбуждает, оживляет, радует.

Элизабет теперь уже и не могла вспомнить, как это случилось. Внезапно, без всякого, так сказать, развития. Только что Адам Лангли был для нее да, конечно, милым и приятным, но все равно одним из солистов оперной труппы, – как в следующее мгновение вдруг сделался самым необходимым на свете, а все остальные вокруг отошли в тень и поблекли. Чувства Элизабет были сродни трепету монахини, которую в ее обители посетил архангел. «Влечет меня твой нежный лик...» – вспоминались ей строчки из оды «Прозрения бес-

смертия» Уильяма Вордсворта.

А что же Адам? А ничего. Он, оказывается, о чувствах Элизабет и не ведал. Адам Лангли, симпатичный, видный, кареглазый, был необыкновенно доверчив, скромн и с женщинами робок. Да, да, представьте себе, именно таким он и был в тридцать пять лет. Ему, ясное дело, многие девушки оказывали знаки внимания, а он в ответ лишь учтиво улыбался, потупив взгляд. Влюбленности, какие у него были, даже и вспоминать не стоит. Все как-то получалось нелепо и неуклюже.

В общем, до сей поры женщины в его жизни играли роль весьма незначительную, и, видимо, по этой причине он не замечал чувств Элизабет. Она для него прежде всего была писательницей, присутствующей на репетициях «Кавалера розы» с целью изучения обстановки, что было нужно для ее нового романа.

Правда, однажды во время перерыва репетиции под фортепиано режиссер Карл Вольцоген в разговоре с ним заметил, поглядывая на Элизабет:

– Какая прелесть. Если бы она могла петь... о, мой друг, лучшего Октавиана трудно было бы вообразить.

Вот тут-то Адам Лангли и начал присматриваться к Элизабет. И что же он увидел? Невысокая, необыкновенно стройная голубоглазая красавица с великолепными темно-русыми волосами. Слегка вздернутый нос и изящно выгнутые брови придавали ей слегка насмешливый вид. Голос

Элизабет низкий, живой, с приятной хрипотцой. Помада на губах у нее была наложена с редким умением, и Адам это сразу оценил, поскольку ему казалось, что большинство женщин выполняет эту процедуру скорее всего перед кривым зеркалом или во время приступа пляски святого Витта. Одежда она была дорого, но скромно. И это тоже Адаму понравилось.

Что касается характера, то позднее Адам убедился, насколько сдержанна, уравновешенна Элизабет Хардинг и при этом насколько не скучна. В ней также не было и намека на высокомерие, чего он не переносил. Впоследствии Адам решил, что их браку весьма способствовали два уважаемых мэтра – Рихард Штраус и Гуго фон Гофмансталь – композитор и либреттист оперы «Кавалер розы», в которой главные партии они отвели трем сопрано и басу. А тенору Адаму режиссер всучил небольшую неинтересную партию итальянского интригана Вальцакки, а потому значительную часть времени на репетициях он оказывался свободным и имел возможность больше общаться с Элизабет. Впрочем, для него это было всего лишь приятное знакомство. Он по-прежнему оставался слепым к чарам Элизабет и глухим к намекам, выводя ее этим из себя. Некоторое время она пребывала в смятении, не зная, как поступить. Открыто проявлять инициативу было нельзя, в ответ он бы насторожился. Тем более что любые такого рода движения со стороны Элизабет, учитывая ее обычную сдержанность, несомненно, выглядели

бы несообразными и фальшивыми.

Шли дни, и до нее наконец дошло: нужен посредник, иначе ситуацию не разрешить. За пределами театра общих знакомых у них не было, а внутри нашелся лишь один человек. Ведь для этого нужна была женщина, притом зрелая, искушенная, здравомыслящая, имеющая с Адамом приятельские отношения. К этой роли как нельзя лучше подходила Джоан Дэвис, сопрано, исполнявшая в опере партию княгини Верденберг, маршалыши.

К ней на квартиру однажды вечером и отправилась Элизабет.

Комната, куда ее проводила пожилая, с тяжелой поступью горничная, порядком не отличалась. Горничная, видимо к этому привычная, объявила о приходе Элизабет и ворча принялась раскладывать вещи по местам, а затем удалилась, что-то бормоча под нос.

Джоан вздохнула:

– Бедная Элси никак не примирится с моей безалаберностью. Садитесь, дорогая, и давайте чего-нибудь выпьем.

– Я вас не отвлекла от дела?

Джоан улыбнулась, показывая на шелковое платье:

– Видите, взялась кое-что подшить, но я прекрасно могу этим заниматься и разговаривая с вами, дорогая. Так что будем пить? Джин или?..

Они поболтали о пустяках, затем Элизабет с непривычным для себя смущением приступила к изложению цели ви-

зита:

– Я по поводу Адама... понимаете, я...

Джоан ласково улыбнулась:

– Мне все понятно, дорогая. Вы им... увлечены.

Эта высокая стройная женщина лет тридцати пяти была необыкновенно элегантна и мила. Искушенность в ней весьма удачно сочеталась с озорной веселостью.

– Это так заметно? – растерянно спросила Элизабет.

– Конечно. Всем, кроме Адама. Я даже как-то подумывала, не раскрыть ли ему глаза, но все же решила, что не стоит вмешиваться в чужие дела.

– Вообще-то именно об этом я пришла вас попросить, – проговорила Элизабет, краснея.

– Как забавно, моя дорогая. Не сомневайтесь, я выполню ваше поручение с большим удовольствием. – Джоан замолкла, размышляя. – Адам человек, скажем так, не слишком наблюдательный, но зато в высшей степени добросердечный. Благослови Господь вас обоих. Я завтра же этим и займусь.

И она этим занялась. Отвела Адама в артистическую гостиную и сообщила то, о чем он совершенно не подозревал. Тенор что-то бормотал в ответ неуверенным, слабым голосом. Джоан послушала и оставила его поразмышлять, а сама вернулась на репетицию.

Удивление Адама вскоре сменилось радостью, и он почувствовал себя совершенно счастливым. Его восприятие мира неожиданно обострилось, как будто сняли пелену и стало яв-

ным то, чего он прежде непостижимым образом не замечал. Всего десять минут назад Адам видел в Элизабет всего лишь приятную знакомую, а теперь горел нетерпением сделать ей предложение руки и сердца.

Его вызвали на сцену, где он с огромным удовольствием принял участие в расстройстве планов тупого и грубого барона Окса фон Лерхенау.

Когда же Адам наконец встретился с Элизабет, его вновь одолела робость. Дело дошло до того, что он целую неделю не нашел ничего лучшего, как избегать ее, заставив свою возлюбленную – да, да, теперь уже возлюбленную – предаться печали. Шли дни, и Элизабет начало казаться, что известие о ее чувствах вызвало у него раздражение, а он не находил места, корил себя за нерешительность, не в силах ее преодолеть.

В конце концов Адам заставил себя действовать. Это случилось накануне репетиций в костюмах. Собравшись с силами, как будто ему предстояло участвовать во взятии вражеского города, а не делать предложение женщине, относительно которой было точно известно, что он ей нравится, Адам отправился для разговора.

Элизабет сидела в зрительном зале со спокойным, независимым видом на красном бархатном сиденье в центре первого ряда подобно бриллианту в драгоценной оправе. Ее окружало великолепие интерьера в стиле рококо. По обе стороны от едва заметной в полумраке королевской ложи в мяг-

ком сиянии позолоты расходились лучами ярусы. Вокруг колонн витали нежные херувимы Буше. Свисающая с потолка огромная люстра чуть покачивалась от сквозняка. Хрустальные подвески мерцали отраженным от сцены светом, как светлячки. Адам остановился, ошеломленный открывшейся ему красотой. Окружение вполне соответствовало тому, о чем он собирался ей сказать, но Адам медлил. Затем, посмотрев на часы, оценил происходящее на сцене и, убедившись, что репетиция закончится самое большое через полчаса, пригласил Элизабет на ужин.

В ресторане на Дин-стрит они сели за столик с лампой под красным абажуром в довольно многолюдном зале первого этажа. Их обслуживал весьма словоохотливый официант-киприот, невысокий, подвижный. Адам заказал очень дорогое красное вино и, сознавая назойливость официанта, отложил объяснение до кофе.

Но и тогда все как-то не клеилось.

– Элизабет, – начал он, – понимаете, я... ну, мне хочется сказать, что...

Она понимающе кивнула:

– И что же вы хотите мне сказать, Адам?

– А то, что я... вас люблю, – выпалил он и, как-будто боясь забыть текст, поспешно продолжил: – И прошу выйти за меня замуж. – Адам на полсекунды замолк, а затем добавил: – Да, замуж. – И посмотрел на нее с неуместным вызовом.

Элизабет улыбнулась: «Ну что взять с этого милого за-

стенчивого идиота. Можно подумать, что он не замуж меня зовет, а вызывает на дуэль».

Заметив приближающегося официанта, она не стала медлить с ответом:

– Адам... ну, во-первых... спасибо. А во-вторых, такие решения принимают не сразу. Мне нужно подумать.

– Желаете ликер? – проговорил материализовавшийся рядом официант. – «Драмбуи», «Куантро», «Крем де Менте», один напиток прекраснее другого.

Адам, когда худшее миновало, заметно осмелел.

– Да что тут думать, дорогая Элизабет, решайтесь.

– У нас есть еще шартрез и замечательная водка, – не унился официант.

– Да уйдите вы наконец, – буркнул Адам и посмотрел на Элизабет.

– Конечно, я согласна, дорогой, – произнесла наконец она. – Я вас обожаю.

– О поздравляю вас, сэр! – радостно воскликнул официант. – И вас, мадам. Позвольте принести вам бутылку прекрасного шампанского.

При расчете Адам вручил ему очень щедрые чаевые.

Медовый месяц они провели в Бруннене. Окна их номера как раз выходили на Люцернское озеро. При посещении Музея Вагнера в Трибшине Адам не удержался и сыграл вступительные такты из «Тристана и Изольды» на рояле Вагнера работы Себастьяна Эрарда. Они купили открытки под ста-

рину и разослали приятелям.

То, что новобрачные испытывали все это время, можно было без преувеличения назвать блаженством.

Однажды, когда они стояли на своем балконе, глядя на озеро, ставшее аметистовым в лучах закатного солнца, она сказала:

– Как замечательно, дорогой, что нашему счастью помешать никто не может.

Дальнейшие события показали, как Элизабет ошибалась. Нашелся кое-кто, готовый испортить им праздник.

Глава 2

Эдвин Шортхаус в «Кавалере розы» пел партию Окса. Он тоже во время репетиций познакомился с Элизабет. И не только познакомился, но и влюбился. Впрочем, надеяться на взаимность у него не было никаких оснований. В данном случае особенно. Вы без труда поймете, сравнив этого грузного некрасивого мужлана среднего возраста с Адамом. К тому же вечно пьяного. Он как нельзя лучше соответствовал своему персонажу из оперы Штрауса, толстому, вульгарному распутнику барону Оксу фон Лерхенау, чем, кажется, сам тяготился, ощущая это скорее интуитивно, поскольку оценить умом вряд ли был способен. Надо сказать, с женщинами у Эдвина Шортхауса никогда не ладилось. В том смысле, что они ему нравились, а он им нет. Отсюда у него развились разнообразные не очень приятные комплексы.

Возможно, он вынашивал какие-то планы в отношении Элизабет, потому что ее брак с Адамом основательно вывел его из равновесия. А поскольку Эдвин особой деликатностью не отличался, то он начал вести себя с этой парой, прежде всего с Адамом, грубо и вызывающе. Надо добавить, что Эдвин Шортхаус был чрезвычайно тщеславен, ибо являлся, как говорится, певцом от бога. Лучший бас английской оперы. Это обстоятельство придавало ситуации дополнительную остроту. Он ни разу не приближался к Элизабет

ни с какими предложениями, но все равно воспринял ее свадьбу с Адамом очень болезненно.

Джоан Дэвис уговаривала Элизабет не обращать внимания.

– Моя дорогая, Эдвина интересуют женщины вообще, а не какая-то конкретная особа. Можете быть уверены, как только на горизонте появится очередная дама с прекрасной фигурой, он вас сразу забудет.

Элизабет не могла понять причину такого несдержанного поведения Эдвина Шортхауса.

– Мы почти не общались. Я, конечно, заметила его внимание, но...

– Я тоже, – сказала Джоан. – Он буквально раздевал вас глазами.

Элизабет кивнула.

– Но я его никак не поощряла. Так что это хамство в чистом виде и больше ничего.

У Адама было другое мнение. Он считал, что Шортхаус влюблен по-настоящему, и внутри этого массивного непривлекательного тела вспыхнуло пламя, разрушившее Трою и державшее в кабале Антония во дворце Клеопатры у Нила.

– Иными словами, это l'amour¹, – заключил он. – Да, скорее в восточном духе, а не возвышенная европейская, но он не успокоится и будет продолжать хамить.

Так оно и случилось. К сожалению, Адаму довольно ча-

¹ Любовь (фр.) – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

сто приходилось проводить время в обществе Шортхауса и терпеть его презрительные усмешки и оскорбительные замечания, за которыми угадывалась острая ненависть. Вдобавок ко всему этот негодяй стал распространять об Адаме разные компрометирующие слухи. Дело дошло до того, что тенору даже отказали от дома, где он бывал несколько лет. Причем без всяких объяснений. Поначалу наивный Адам не понимал, в чем тут дело, пока его на этот счет не просветили. Но он все равно продолжал вести себя с Шортхаусом как будто ничего не случилось. Ведь Адам с уважением относился к своей работе, а они участвовали в одном спектакле, и открытый конфликт был крайне нежелателен.

В свадебное путешествие они уехали после того, как прошел «Кавалер розы», а вернувшись из Швейцарии, поселились в доме в Тандридж-Уэллс. Молодожены так погрузились в обустройство хозяйства, что некоторое время ни о чем другом не могли и думать. К тому же на этот раз ангажементы Адама и Эдвина Шортхауса были в разных театрах.

В ноябре они оба подписали контракты на участие в опере «Дон Паскуале». На первую репетицию Адам отправился с тяжелым чувством и вернулся домой в замешательстве.

– Что-то случилось? – спросила Элизабет, встречая его в прихожей.

– Да, – ответил он. – Эдвин изменился.

– Что значит изменился? Перестал хамить?

Они перешли в гостиную, где в камине пылал огонь. Эли-

забет налила в рюмки херес.

– Перестал не то слово. Он теперь предупредителен и дружелюбен сверх меры.

– Может быть, осознал и устыдился?

– Маловероятно.

– Почему ты отказываешь ему в человечности? Ведь у него была мать.

– У безумного и развращенного сверх всякого предела римского императора Гелиогабала тоже имелась мать. У всех у нас были матери... Понимаешь, в поведении Эдвина чувствуется какая-то фальшь. Он не искренен.

– Но все равно так лучше, чем открытая враждебность.

Адам покачал головой:

– Не знаю. Это похоже на поцелуй Иуды.

– Не драматизируй, а кроме того, не проливай херес на ковер.

– Извини, я не заметил, – смутился Адам.

– В любом случае, – задумчиво продолжила Элизабет, – я не вижу, чем он может тебе еще навредить.

– Может быть, что-нибудь нашепчет Леви?

Элизабет пожала плечами:

– Да нет. Антрепренер Леви, я думаю, знает цену Эдвину.

– Наверное, ты права. – Адам повеселел. – Ладно, посмотрим, как все будет развиваться дальше. А у тебя что нового?

– Днем пришло письмо, а в нем заказ. И очень выгодный.

– Поздравляю. Новый роман?

– Нет. Серия интервью для воскресных выпусков газеты.

– Интервью?

– Да. С частными детективами.

– Неужели?

– Тебя это удивляет? – Элизабет чмокнула его в щеку. –

Мой дорогой, ты еще многое обо мне узнаешь. К твоему сведению, мои первые книги были посвящены популяризации криминологии. Так что я в этом вопросе совсем не дилетантка. Прочитала гору литературы.

– И когда начнешь?

– Да прямо завтра с утра напишу и разошлю кучу писем всем своим знакомым.

– А знаешь, у меня тоже есть знакомый детектив. Он занимается частным сыском и не служит в полиции. Профессор Фен преподает английский язык и литературу в Оксфорде.

Элизабет кивнула:

– Помню такого. Перед войной он раскрыл дело, связанное с магазином игрушек. Ты должен меня с ним познакомиться.

– Обязательно. А пока, Элизабет, занимайся остальными, у тебя их много, а Фена оставим на январь. После Нового года в Оксфорде намечается постановка «Мейстерзингеров», вот тогда мы с Джервейсом Феном и встретимся.

Репетиции «Дона Паскуале» прошли без инцидентов. Шортхаус общества Адама не искал, но был неизменно при-

ветлив. А потом сразу после второго представления оперы случилось неожиданное.

Адам задержался за кулисами, беседа с режиссером насчет одной мизансцены, потом, когда вошел в гримерную, с удивлением обнаружил там Шортхауса в длинном халате с баночкой крема для снятия грима в руке. При появлении Адама он поспешно вернул ее на место. Шортхаус был по-прежнему в гриме и парике, и Адам подумал, что у того кончился крем, а поскольку их гримерные расположены рядом, то он решил позаимствовать у соседа. Однако вскоре выяснилось, что крем был лишь поводом для визита.

– Послушай, Лангли, – произнес Шортхаус, изрядно насытив воздух парами джина, – полагаю, у тебя есть причины на меня обижаться. Признаюсь, я вел себя довольно скверно.

Смущенный Адам вяло пробормотал в ответ что-то невнятное. Шортхаус понимающе кивнул и продолжил доверительным тоном:

– Я пришел к тебе извиниться. Да, извиниться за свое недостойное поведение.

– Да полно тебе, – принялся успокаивать его Адам. – Я вовсе не обижаюсь. Все в порядке.

Шортхаус оживился:

– Так мы можем быть друзьями?

– Друзьями? – проговорил Адам упавшим голосом. – Да, конечно.

– Спасибо, дорогой. Я восхищаюсь твоим великодушием.

Адам снял парик и повесил на крючок.

Шортхаус постоял с минуту, переминаясь с ноги на ногу, затем нарушил молчание:

– Сегодня, кажется, был аншлаг.

– Да, аншлаг, – подхватил Адам. – Публика смеялась довольно часто. Ты заметил?

– Да, конечно. Так ведь опера замечательная.

– Замечательная, – согласился Адам.

– А твоя партия Эрнесто просто жемчужина спектакля. Меня особенно восхищает драматическая ария во втором акте «*Cercherò lontana terra*»².

Адам молчал, не зная, что ответить.

Шортхаус встрепенулся:

– Ладно, пойду сниму с лица эту дрянь.

– Если у тебя закончился крем, то ты можешь...

Шортхаус замотал головой:

– Нет-нет, большое спасибо. Я только посмотрел, какой ты используешь. До завтра.

– Да, – растерянно проговорил Адам. – До завтра.

Он с огромным облегчением посмотрел на закрывающуюся за Шортхаусом дверь и начал переодеваться. Неожиданное преобразование Эдвина поставило его в тупик. Он пришел с извинениями. Такого еще не бывало.

Адам продолжал размышлять об этом по пути домой, а придя, тут же все выложил Элизабет.

² Пойду искать далекие края (*ит.*).

– Он интересовался кремом для снятия грима? – спросила она. – Это тот, что я тебе купила?

– Нет, старый. А твой я храню отдельно и только недавно открыл. – Он вздохнул. – Впредь придется держать гримерную запертой.

– Я рада, что он наконец перестанет трепать тебе нервы.

– Я тоже, но... – Адам задумался. – Знаешь, дорогая, мне все же не верится. Этот Тартюф просто так ничего не делает. Иногда мне кажется, что он способен даже на убийство.

Адам тогда и не думал, насколько был близок к истине.

Глава 3

В конце января в унылый промозглый день Адам и Элизабет отправились в Оксфорд. Адам отворачивался от холодного ветра, прижимая плотнее к горлу толстое кашне. Для него простудиться сейчас было бы катастрофой. К счастью, поезд хорошо отапливался, так что беспокоиться не следовало. На вокзале они взяли такси до отеля «Булава и скипетр», где у них был забронирован номер. Адам помог Элизабет распаковать и разложить вещи, а затем они спустились в бар, где с радостью увидели Джоан Дэвис, которая одна за столиком потягивала сухой мартини.

От нее Адам узнал, что партию Давида будет исполнять молодой певец из Германии Фриц Абельхайм, а партию пекаря – Джон Барфилд. Сакса, разумеется, будет петь Эдвин Шортхаус, а Вальтера и Еву – Адам и Джоан.

– А ты знакома с дирижером? – спросил Адам. – Что за человек этот Пикок?

Джоан улыбнулась:

– Я с ним знакома, но не близко. Джордж достаточно молод и невероятно обаятелен. «Мейстерзингеры» его первая большая работа, и он наверняка будет экспериментировать. Теперь нам придется забыть то, что мы делали раньше, и усердно ему помогать.

– Но он хоть чего-то стоит?

– Увидим. Но, я думаю, Леви не стал бы его приглашать, будь он бездарен. У Леви на хороших оперных дирижеров особый нюх.

– А кто режиссер?

– Дэниел Резерстон.

– Этот меланхолик? Понятно. А помогает ему, конечно, Карл?

– Да. Он вне себя от радости. Ты же знаешь, какой Карл фанатик Вагнера. Тем более что только недавно разрешили ставить его оперы. Я так и не знаю, почему во время войны Вагнера запрещали.

– Его считают идейным вдохновителем нацизма, – пояснил Адам. – И не без оснований. Оперы Вагнера, взять хотя бы цикл «Кольцо нибелунга», возвеличивающие германский дух, с энтузиазмом приняли нацисты во главе с Гитлером. Вагнер считался главным композитором Третьего рейха. Хотя, конечно, в чувствах, которые пробуждают произведения Вагнера, нет ничего плохого. В конце концов, он умер за пятьдесят лет до того, как наци пришли к власти. Извини, увлекся. Я ведь могу рассуждать на эти темы до бесконечности. – Он улыбнулся. – Ты ведь бывала за границей?

– Да, – ответила Джоан. – В Америке. Пела в «Богеме» и чуть не умерла там от обжорства. Тебе следует побывать в Штатах. Вот где настоящая еда.

Они втроем провели приятный вечер и рано легли спать. В десять утра начиналась репетиция под фортепиано. Хмуро

поглядывая на пепельно-серое небо, Адам и Джоан дошли до оперного театра на Бомон-стрит.

Оксфорд, надо сказать, составлял приятное исключение, поскольку в Англии оперное искусство, насколько возможно, развивать избегали. Предпочитали более приятные развлечения, например кино и футбол. Так что театр, расположенный на углу улиц Бомон и Сент-Джон с прилегающей сзади территорией Вустер-колледжа, был заметной достопримечательностью. Как и для большинства зданий в Оксфорде, на его постройку пошел камень, добываемый в карьере Хэдингтон.

Вестибюль оформлен скромно, но со вкусом. Зеленые ковры и бюсты великих оперных композиторов – Верди, Моцарт, Вагнер, Глюк, Мусоргский и непонятно как попавший в эту компанию Брамс. За свою, к сожалению, не очень долгую жизнь (он умер в шестьдесят три года) этот гений не написал ни одной оперы, хотя неоднократно делал попытки. Возможно, за них его бюст здесь и поставили.

Зрительный зал в театре оказался сравнительно невелик, но сцена, оркестровая яма и кулисы годились для постановки самой крупной оперы. Сцена была оснащена весьма сложным современным оборудованием, в устройство которого не стоит и вникать. Гримерные, более комфортабельные, чем обычно, располагались на двух этажах, и в распоряжении артистов имелся даже небольшой лифт.

Но Адам и Джоан никаких красот вокруг не заметили.

Они через служебный вход направились прямо в репетиционный зал, где большинство артистов уже собрались вокруг большого рояля. Кроме нескольких легких стульев, никакой мебели в зале не имелось. На стене висела чуть перекошенная фотография Пуччини. На ней великий композитор был похож на продавца мороженого с жанровых картин эпохи Эдуарда.

Дирижер Пикок сразу понравился Адаму. На вид чуть старше тридцати. Высокий, рыжеволосый, худощавый, спокойный, опрятно одетый. Рядом стоял Карл Вольцоген, коренастый крепкий немец, весьма энергичный для своих семидесяти. За роялем Кейтнесс, немногословный угрюмый шотландец. Неподалеку Эдвин Шортхаус явно мучился с похмелья. Тут же Джон Барфилд, исполнитель партии Котнера. Остальные участники спектакля к событиям последующих двух недель отношения не имели, так что упоминать их здесь нет необходимости. Поскольку оперные певцы в Англии наперечет, то Адам, конечно, их всех знал.

Репетиция проходила как обычно. Вскоре всем стало очевидно, что Пикок свое дело знает. Артистов лишь удивляло, с какой непривычной кротостью его указания выслушивает Эдвин Шортхаус. «Это не к добру», – подумал тогда Адам. И как в воду глядел.

Правда, репетиции под фортепиано прошли более или менее гладко. Неприятности начались, когда подключился оркестр. Тогда же случился один инцидент, о котором следует

рассказать.

В понедельник репетиция закончилась последней сценой третьего акта. В шесть исполнители разошлись. В репетиционном зале остались лишь Джоан Дэвис и Пикок, чтобы обсудить кое-какие особенности ее партии. В семь они распрощались. Пикок ушел, а Джоан поднялась в свою примерную одеться. Проходя мимо примерной хористок, дверь которой была открыта, она увидела следующую сцену: пьяный до невменяемости Шортхаус повалил молодую девушку и пытался ее раздеть. Надо сказать, что в последние дни Эдвин Шортхаус, как говорится, не просыхал, хотя на его исполнении это не отражалось. Пел он всегда великолепно. Девушку звали Джудит Хайнс. Она была хористка и осталась в примерной, чтобы заняться своим костюмом. Он ей плохо подходил.

Джудит сопротивлялась, но перевес оказался на стороне грузного пьяного Шортхауса. Джоан пришлось вмешаться. Женщина она была крепкая и не из слабонервных. Какие меры Джоан приняла, уточнять не будем. Важно, что Шортхаус успокоился. Повалился на бок и затих.

Джоан посмотрела на девушку, которая судорожно оправляла платье.

– Он вам ничего не повредил, дорогая?

– Нет-нет, спасибо, – смущенно проговорила Джудит. – Страшно подумать, что могло произойти, если бы не вы. – Она вдруг испуганно посмотрела на лежащего Шортхауса. –

А он не?..

Джоан усмехнулась:

– Не беспокойтесь, с ним все в порядке. Дышит. Правда, испарения такие, что хоть противогаз надевай, но это уже другое дело. А вы уходите поскорее домой, так будет лучше.

Джудит засуетилась:

– Да, да, я сейчас. – Она замолкла, а затем, запинаясь, добавила: – Не знаю, как вас отблагодарить, но, пожалуйста, никому об этом не рассказывайте. Я вас очень прошу.

Джоан нахмурилась:

– К сожалению, сейчас уже поздно искать Эдвину замену, а то я бы обязательно настояла, чтобы его убрали из трупы.

– Нет, не надо, – проговорила Джудит со странной горячностью. – Мне будет очень стыдно, если люди узнают.

– Стыдно? – удивилась Джоан. – Но вас не в чем упрекнуть, дитя мое.

– Ну просто стыдно... я не знаю. Очень вас прошу, обещайте никому не рассказывать.

Джоан пожала плечами:

– Хорошо, не буду, раз вы так просите. – Она помолчала. – Где вы живете? Я хочу вас проводить, если это не далеко.

– Вы очень добры, но, право, не стоит беспокоиться.

– Пойдемте, – сказала Джоан, – мне полезно прогуляться.

– А что с ним? – Джудит показала на лежащего Шортхуса.

Джоан махнула рукой:

– Пусть полежит, проспится. Правда, потом он снова напьется, но нас это не касается. Надевайте пальто.

По дороге Джудит призналась Джоан, что «ухаживания» Шортхауса начались одновременно с началом репетиций. А ей было неловко слишком резко его отталкивать. Как же, знаменитый певец. Кроме того, у нее есть молодой человек, тоже из хора, но он музыкант. И не простой, а композитор. Недавно закончил работу над оперой, и Шортхаус обещал кое-какое содействие.

– О, моя дорогая, – со вздохом проговорила Джоан, – советом могут помочь многие. И я, и Адам. А вот что касается постановки, то тут надо искать помощи у мультимиллионера.

Возвращаясь в отель «Булава и скипетр», Джоан думала о Шортхаусе. Этот человек планомерно разрушал себя и скоро мог прийти до точки, когда уже не сможет выручить ни голос, ни артистические способности. Конечно, хорошо бы за сегодняшнюю проделку исключить его из труппы, но обещание есть обещание.

В конце концов она была вынуждена его нарушить под давлением обстоятельств, о которых речь пойдет дальше.

Глава 4

Вскоре начались репетиции с оркестром, а с ними и неприятности.

Шортхаус постоянно предъявлял претензии к дирижеру, придирился к любой мелочи, буквально не давал ему работать. Вот и сегодня – не успели начать, как опять что-то случилось.

Адам шумно вздохнул и отправил в рот пластинку жевательной резинки. В зрительном зале на одном из передних сидений Джон Барфилд жадно поедает сэндвич с ветчиной, роняя крошки на жилет. Движения его челюстей за frozeшили Адама настолько, что он некоторое время пристально смотрел не мигая, пока тот не заметил и не поднял взгляд на сцену.

А здесь опять остановилась репетиция. Эдвину на этот раз не понравился темп.

– Разумеется, мистер Пикок, я уважаю ваше мнение. – Шортхаус говорил тоном, весьма далеким от уважительного, чуть наклонившись в сторону ramпы. – Но зачем вы тут делаете такое подчеркнутое акселерандо? ³ Это совершенно не соответствует настроению Сакса в данный момент.

Джордж Пикок нервно задергал дирижерской палочкой.

³ Постепенное ускорение исполняемого произведения.

Ему было явно не по себе.

«И есть от чего», – подумал Адам.

Репетиции «Мейстерзингеров» с участием Эдвина Шортхауса были также тяжелым испытанием для дирижеров много старше и опытнее. Адам жалел Пикока. Удачная постановка «Мейстерзингеров» определила бы карьеру этого способного молодого дирижера, а Эдвин Шортхаус уже сколько дней не давал ему покоя и мотал нервы. В конце концов спектакль может быть загублен. К тому же время шло, а сегодня только начали репетировать третий акт.

Адам наклонился к Джоан:

– Боже мой, неужели Эдвин не может заткнуться хотя бы на десять минут?

Она кивнула:

– Ты же видишь, он делает это нарочно. Ему доставляет удовольствие изводить Пикока. Как жаль, что этот боров такой хороший певец.

– Иначе кто бы его здесь держал, – сказал Адам. – Я думаю, он доиграется, доведет кого-нибудь до смертоубийства.

– ...и все же, если вы позволите, я предпочел бы оставить все как есть, – произнес Пикок, стоя за дирижерским пультом. – В этом месте явно необходим дополнительный импульс.

– Хорошо, – неожиданно согласился Шортхаус. – Я буду пытаться следовать вашему ритму. Если, конечно, получится.

– Скотина, – горячо прошептала Джоан. – Презренный осел. У него совершенно нет чувства ритма.

Адам вздохнул:

– Еще одна остановка, и мы сегодня третий акт не пройдем.

Оркестр заиграл снова. Дошли до того места, которое обсуждалось, и Шортхаус опять отстал. Пикок постучал палочкой по пульту, и музыка прекратилась.

– Ну теперь будет веселье, – сказала Джоан.

– К сожалению, мистер Шортхаус, мы в очередной раз оказались впереди вас.

– Мистер Пикок, если мои усилия как можно точнее передать замысел композитора вас раздражают, так извольте сказать об этом прямо, а не путем дешевых насмешек, – резко бросил Эдвин Шортхаус.

На сцене стало тихо.

Пикок густо покраснел, однако взял себя в руки.

– Давайте пока оставим этот пассаж и продолжим с четвертой сцены – выхода Евы. Вы готовы, мисс Дэвис?

– Да, – крикнула в ответ Джоан и повернулась к Адаму: – Мне противно даже изображать флирт с Эдвином.

– Не думай об этом, – подбодрил Адам. – И если он начнет придираться к тебе, я думаю, ты найдешь, что ответить.

– Это было бы чудесно, – мечтательно проговорила Джоан. – Но на такое мало надежды. Он цепляется только к молодым и неопытным, кто не может как следует дать отпор.

Ну я пошла.

Адам улыбнулся:

– Счастливо. Встретимся на сцене под липой. И не приходи подругу.

Он продолжил размышлять. Ситуация была крайне тревожная. Пикок может сломаться, и что тогда? К сожалению, Шортхаус знал, что может беспрепятственно хамить дирижеру. Ему за это ничего не будет. На него шла публика, он делал кассу. А кто такой Пикок? Да никто, пустое место, хотя номинально его указания должны выполняться беспрекословно. Ведь в опере слово дирижера – закон.

Адам вздохнул и полез за жевательной резинкой, опять встретившись взглядом с Барфилдом, который теперь собирался съесть помидор. Он сделал гримасу и многозначительно кивнул на сцену. Адам сделал гримасу в ответ.

На сцене Шортхаус и Джоан, глядя друг на друга, сладкозвучно пели с небольшими диссонансами в ля-бемоль. Адам вдруг заметил, как слаженно играет оркестр, и у него снова вспыхнула злость на Шортхауса. Желая успокоиться, он отправил в рот третью пластинку жвачки. Жаль только, что эта штукавина быстро утрачивала вкус и становилась просто резинкой.

Затем к нему подошел режиссер Деннис Резерстон, меланхоличный, моложавый, в своей неизменной шляпе «трилби». С ним был черноволосый, мрачноватый молодой человек. Адам помнил, что он стажер, но в спектакле выходит

только один раз в первом акте. Когда пекарь спрашивает, где Николаус Фогель, один из подмастерьев быстро вскакивает со скамьи и бойко отвечает: «Болен он». Дальше Котнер говорит: «Пошли ему Бог здоровья» и так далее. Так вот, роль ученика исполняет этот молодой человек.

– Ну что это за спектакль, в котором исполнители по несколько минут стоят неподвижно и поют, – брюзгливо произнес Резерстон. – Вы скажете: так заведено. Но подобные традиции надо ломать.

– Если они начнут двигаться, то могут сфальшивить, – доброжелательно заметил Адам.

– А что за фокусы вытворяет Шортхаус, – продолжил режиссер. – А сцена на лугу? Здесь эти чертовы подмастерья и секунды не могут устоять на месте. Им, наверное, кажется, что, если они будут переминаясь с ноги на ногу, это произведет впечатление веселого оживления. А для меня их ужимки выглядят как коллективный приступ белой горячки.

Адам собирался на это ответить, но музыка вдруг оборвалась.

– Ну что теперь? – буркнул Резерстон.

– Невозможно работать, за кулисами такой шум, – произнес Пикок с дрожью в голосе. – Пожалуйста, потише.

– Это он о нас, – удивленно проговорил Резерстон, понизив голос. – Ладно, в любом случае, мне пора идти.

Оркестр заиграл снова, и режиссер пошел прочь, сопровождаемый стажером.

Адаму не понравились нервные нотки в голосе Пиккока. Это предвещало взрыв. А он по опыту знал – срыв дирижера на репетиции грозит спектаклю провалом. Хоть бы Шортхаус помолчал некоторое время.

На сцену выскочила Магдалена и обменялась репликами с Евой. И тут Адам вдруг вспомнил, что скоро его выход. Вытащил изо рта жвачку, аккуратно приклеил сзади к декорации и пошел на сцену, бормоча под нос проклятия в адрес Эдвина Шортхауса.

К нему устремилась Ева (Джоан). Они обнялись.

– О мой возлюбленный герой, поэт, – запела она и чуть слышно добавила: – От тебя отвратительно пахнет мятой.

К сильному удивлению Адама, второй акт прошел до конца без инцидентов. Влюбленный Вальтер (Адам) убеждал Еву сбежать. Бекмессер исполнил свою неуклюжую серенаду, затем за ним погнался Давид. Подмастерья снова расстроили Резерстона. Сакс увел Вальтера к себе. И наконец явился ночной сторож, дующий в свой рог. Площадь (сцена) быстро опустела, лишь песня ночного сторожа разносилась по безлюдным улицам. Музыка замолкла.

Все было хорошо, но Адам подозревал, что коварный Шортхаус придержал свой огонь до третьего акта, и дальнейшие события подтвердили его опасения.

Дирижер, режиссер и хормейстер собрали артистов на сцене и дали указания, как действовать. Затем объявили перерыв на четверть часа, чтобы они могли выпить по чашке

чая. Адам и Джоан сели в партере рядом с Джоном Барфилдом. Сейчас он грыз яблоко.

– Так долго это не может продолжаться, – со вздохом проговорил Адам. – Если Шортхауса не урезонить, он сорвет спектакль.

– А разве можно с ним что-нибудь сделать? – хмыкнул в ответ Барфилд. – Дирекция на его стороне.

– А все потому, что они не осознают, какой Пикок замечательный дирижер. Надо иметь настоящий талант, чтобы заставить так красиво звучать это собрание посредственных скрипачей и духовиков.

– Он молод и полон эмоций, – заметил Барфилд, доедая яблоко.

– А где он, кстати? – спросил Адам.

На сцене рабочие убирали разные предметы, изображавшие улицу Нюрнберга, освобождая место для луга. Сзади электрик беседовал с помощниками. Несколько хористов прохаживались между рядами. Пикок нигде видно не было.

– Наверное, беседует по душам с Шортхаусом, – с усмешкой проговорил Барфилд.

Затем он достал из пакета кусок пирога, для вида предложил угоститься Джоан и Адаму. Они, разумеется, отказались, и он с удовольствием принялся его поглощать.

В задней части сцены оживленно разговаривали молодой человек, которого Адам видел с режиссером, и Джудит Хайнс, недавняя знакомая Джоан.

– Кто этот парень? – спросил Адам.

Джоан пригляделась:

– Стажер со странным именем Борис.

– А девушку, кажется, уже удостоил своим вниманием

Шортхаус. Я однажды видел ее с ним.

Джоан нахмурилась:

– Не дай бог. Она милое дитя.

– Из хора?

– Да. Занята в сцене на лугу и танцует с Давидом.

– Судя по тому, как она сейчас смотрит на этого молодого стажера, он ей нравится.

– Девушка молодая, красивая, пусть погуляет, – небрежным тоном заметил Барфилд, роняя крошки на колени. – Я ведь занят в первой сцене последнего акта, так что пойду немного перекушу.

– А я только во второй, – проговорила Джоан. – Есть время немного отдохнуть.

Ведущая за кулисы дверь приоткрылась.

– Тихо, приготовились, – неожиданно произнес Барфилд, скидывая руку. – Вот он идет, наш Мефисто.

Шортхаус подошел к ним и сел с тяжелым вздохом. От него, как обычно, несло джином.

– Слава богу, через неделю премьеры. Пикок довел меня до крайности. – В тоне Эдвина звучало столько фальши, что Адам вздрогнул. – Он до сих пор мечется, не может найти правильный подход.

– И поэтому, Эдвин, ты решил довести его до нервного срыва? – мрачно поинтересовалась Джоан.

– Боже, Джоан! – воскликнул Шортхаус. – Как тебе это могло прийти в голову? Жаль, конечно, что репетиция задерживается, но мне нужно понять свою партию. Но каждый мой вопрос вызывает у дирижера презрительную усмешку, и в ответ я слышу одни оскорбления. Ну хорошо, с этим можно примириться. Ничего не поделаешь, дирижер – человек молодой, неопытный, к тому же нервный. Но меня беспокоит спектакль. В Англии впервые после войны ставят «Мейстерзингеров». Поэтому надо постараться. – Он замолк, на несколько секунд погрузившись в мысли. – Я решил потребовать у дирекции замены Пикока.

– Ты что, с ума сошел? – не выдержал Адам. – К тому же с ним заключили контракт.

– И со мной, кстати, тоже, – язвительно заметил Шортхаус. – И если его оставят, то уйду я. И не во мне дело, нет. Я просто не желаю, чтобы какой-то дилетант коверкал Вагнера.

Мысль о том, что Шортхауса может заботить кто-то еще, кроме его самого, казалась Адаму невероятной.

– Ладно, идти в буфет уже поздно, – произнес Барфилд, разрывая обертку шоколадки.

На сцене появился золотых дел мастер Фейт Погнер, что-то бормоча себе под нос. Режиссер Резерстон давал последние указания механику сцены и электрику. В оркестровой

яме «раздувались» духовики.

Через десять минут началась репетиция. На широком лугу мастера цехов собирались на певческое состязание. Подмастерья затеяли веселый танец с девушками. «Это похоже на праздник в воскресной школе», – заметил сквозь зубы Резерстон. Хор славил Ганса Сакса, и все с восторгом подхватили призыв поэта-башмачника хранить верность традициям национального искусства.

Глава 5

Стычки Шортхауса с дирижером не прекращались.

Он придирался к Пикоку по поводу и без повода. На каждой репетиции. А сегодня спор перерос в настоящий скандал. Как заметил Адам, такого шума не было даже в палате общин во время дебатов по национализации. Пикок не сдержался и начал кричать на Шортхауса, а тот в долгу не остался, используя свой голос, весьма подходящий для данного случая. В конце концов Пикок ударил о пульт палочкой так, что она сломалась, и выбежал прочь. Адам постоял несколько секунд и пошел вслед за ним. Сзади возбужденно переговаривались артисты.

Адам нашел Пикока в репетиционном зале. Дирижер стоял, ухватившись за крышку рояля. Лицо напряжено, глаза невидящие, пустые.

– Я вам сочувствую.

Пикок отозвался через несколько секунд:

– И что вы мне предлагаете? Извиниться?

– Вы ни в чем не виноваты, – мягко произнес Адам. – Трупна на вашей стороне. Шортхаус ведет себя недопустимо.

– Но я должен управлять ситуацией, – пробормотал Пикок. – В конце концов, это входит в мои обязанности. – Он посмотрел на Адама. – Вот вы человек более опытный в таких вещах, чем я. Скажите, мне следует уйти?

– Ни в коем случае. Продолжайте работать как ни в чем не бывало.

Пикок горько усмехнулся:

– Конечно, тут нужен человек волевой, твердый, способный поставить на место любого зарвавшегося артиста. У меня нет подобных качеств, но есть огромное желание поставить эту оперу так, как я ее вижу. Разумеется, дело касается только музыки. И меня заботит не только карьера...

Он замолк.

– А как быть с репетицией? – спросил Адам.

– Скажите, что она закончена. Понимаете, я не могу сейчас выходить к людям. Не могу. Поэтому... ради бога, скажите им, что репетиция на сегодня закончена. – Пикок осекся и покраснел: – Извините, мне не следовало кричать.

Адам улыбнулся:

– Пустяки. И я прошу вас, ради всего святого, не делайте никаких поспешных шагов.

Он объявил об окончании репетиции, заметив, что Шортхауса среди исполнителей нет.

Все разошлись, переговариваясь друг с другом приглушенными голосами. Оркестранты начали укладывать инструменты.

К Адаму подошла Джоан:

– Как он?

– Расстроен, конечно, но, думаю, продолжит работу. А где Эдвин?

– Вышел вскоре после Пикока.

Адам вздохнул:

– Нам тут тоже нечего делать. Пошли в отель и там выпьем.

Джоан кивнула:

– Да, после обеда. Соберемся и поговорим. Изменить, к сожалению, мы ничего не можем, но хотя бы отведем душу.

Джоан пошла в примерку, а Адам по пути к себе столкнулся с Шортхаусом.

– Эдвин, прошу тебя, уймись.

Шортхаус посмотрел на него отсутствующим взглядом. Волосы взъерошены, на лбу и щеках капельки пота. Адам в ужасе подумал, что этот человек сходит с ума, и неожиданно для себя почувствовал к нему жалость. Но она пропала, как только тот заговорил. Глухо, с трудом, словно движения губ доставляли ему боль.

– Я завтра же позвоню Леви и потребую, чтобы он выгнал в шею этого ничтожного молокососа.

Адам поморщился:

– Не глупи, Эдвин. Даже если Леви согласится, то и тебе придется несладко. Зачем восстанавливать против себя труппу? Ты будешь страдать.

– Страдать? – Шортхаус чуть повысил голос. – Так я уже страдаю.

Он постоял пару секунд, как будто размышляя, а затем нетвердой походкой двинулся прочь.

Адам посмотрел ему вслед и открыл дверь гримерной.

– А по-моему, не стоит беспокоиться, – произнес Деннис Резерстон. – Все рассосется само собой. Как всегда.

Режиссер сидел, откинувшись на спинку стула, пристально разглядывая янтарный виски в своем бокале. Неизменная шляпа сдвинута на затылок.

– Нет, – возразил Адам, – сейчас не рассосется.

Они собрались за круглым столом в баре отеля «Рандолф». Адам, Элизабет, Джоан, Резерстон, Карл Вольцоген и Джон Барфилд. На часах восемь, в зале еще сравнительно немногочленно, но несколько столиков неподалеку были заняты. За ближайшим высокий темноволосый мужчина с обмотанным вокруг шеи зеленым шарфом витийствовал со знанием дела относительно действия различных ядов перед аккуратно одетым джентльменом среднего возраста, по виду военным, и молодым человеком с золотисто-каштановыми волосами и розой в петлице. После холода на улице все наслаждались блаженным теплом. Позвякивали бокалы, за барной стойкой шипел пивной кран, к гулу голосов примешивался звон кассового аппарата.

– Я недавно разговаривал с Эдвином, – продолжил Адам. – Он почти невменяем. В нем дико переплелись гордыня и острая жалость к себе. Пьет не переставая. Не представляю, чем это закончится. А ведь для того, чтобы спектакль состоялся, он и Пикок должны как-то договориться.

– А вот красная ургиня, – произнес темноволосый за соседним столом, – приводит к весьма болезненной смерти.

Резерстон вздохнул:

– И что вы предлагаете? Послать делегацию к Леви?

– Это бесполезно, – подала голос Джоан, прикуривая новую сигарету от старой. Сегодняшние события на репетиции ее сильно взволновали, и она курила одну сигарету за другой. – Леви не захочет расстаться с Эдвином. Да и какой оперный антрепренер уволит артиста, на которого ходит публика.

– На нас, между прочим, тоже ходит публика, – обиженно отозвался Адам.

Джоан погладила его руку.

– Дорогой Адам, ты думаешь, что все согласятся уйти, если не уберут Эдвина? Даже у меня нет особого желания разрывать контракт. Потому что каждый день хочется кушать. Так я устроена.

Наступило молчание, которое нарушил Карл Вольцоген:

– Для этого дурака искусство ничего не значит. Он заявляет, что заботится о верной интерпретации произведения Мастера, а на самом деле думает только о себе. А я встречался с великим композитором в Байройте, мне было тогда четыре года, но помню все, как будто это случилось вчера. Мастеру оставался год до кончины. Он был задумчив, но посмотрел на меня добрым взглядом и сказал...

Дальше присутствующим пришлось в который раз выслу-

шать эту историю. Они симпатизировали Карлу в его восторженном преклонении перед Рихардом Вагнером, но все-таки есть предел. Тем более постановка оперы была на грани срыва. В результате разговор быстро перевели на проблему с Шортхаусом.

– А что ты скажешь, Джон? – спросила Джоан, поворачиваясь к Барфилду.

Тот громко закашлялся. Он ел имбирное печенье из стоящего на столе бумажного пакета, и крошка попала ему не в то горло.

– Мне кажется, выход тут может быть только...

– ...к чрезвычайно эффективным ядам причисляют также ортофосфат цинка, – донеслись с соседнего стола слова темноволосого.

Барфилд смутился. Сосед своим замечанием попал в точку.

– Я хочу сказать, – осторожно проговорил он, – что Пикоку, видимо, придется уйти. – В ответ на бурные протесты он замахал руками: – Я все понимаю. Да, это не по-божески и даже отвратительно. Но как еще можно разрешить подобный конфликт?

– Конфликт можно разрешить с помощью ортофосфата цинка, – невозмутимо возвестила Элизабет.

– Прекрасный вариант, – мечтательно произнесла Джоан. – И хорошо бы отравить его не насмерть, а только чтобы он не мог петь.

Предложение всех позабавило. Они пошутили, поговорили о том о сем, не касаясь больше конфликта Шортхауса с дирижером. Было ясно, что ничего путного придумать сейчас они не смогут. В девять часов компания начала расходиться. Адам с Элизабет и Джоан отправились в «Булаву и скипетр».

В начале двенадцатого, когда Элизабет была уже в постели, а Адам раздевался, вдруг обнаружилась пропажа бумажника. Он вспомнил, что расплачивался за выпивку мелочью, которая собралась в кармане, а бумажник не доставал.

– Кажется, я оставил его в гримерной. Придется идти.

– А может, он полежит там до завтра? – сказала Элизабет.

Адам в очередной раз восхитился ее красотой. При свете прикроватной лампы она сейчас была особенно хороша.

– Нет, придется сходить. Так будет спокойнее. В нем довольно приличная сумма.

– А разве театр на ночь не запирают?

– Запирают, конечно, – ответил Адам, начиная одеваться. – Но там есть ночной сторож, старик. Надеюсь, он еще не спит.

– Хорошо, дорогой, – проговорила Элизабет сонным голосом. – Только возвращайся скорее, не задерживайся.

Адам подошел ее поцеловать.

– Туда несколько минут ходьбы, и я сразу обратно.

На улице морозный воздух обжег лицо. Выдыхая пар, Адам двинулся по Джордж-стрит в сторону Кронмаркет, где

на светофоре теперь постоянно горел зеленый свет. Темное небо чуть освещал бледный серп луны. На безлюдной улице, нажимая на педали, его обогнал случайный ездок на велосипеде, под шинами которого потрескивал лед.

Адам пересек Глостер-Грин, где, высвеченные уличными фонарями, все еще стояли несколько автомобилей с желтыми полосами на крышах. Тишину нарушил негромкий кашель запоздалого прохожего, остановившегося у табачного киоска слева. Перед тем как выйти на Бомон-стрит, Адам остановился посмотреть программы концертов на афишной тумбе.

Войти в театр оказалось совсем просто. Дверь служебного входа оказалась широко распахнутой, хотя в небольшом вестибюле, с единственной матовой лампочкой, освещающей обитую зеленым сукном доску объявлений, никого не было.

Когда он забрал свой бумажник и собрался уходить, часы показывали двадцать пять минут двенадцатого. Гримерная находилась на втором этаже, но ему захотелось проехаться на лифте. Была у Адама такая маленькая слабость – он получал удовольствие, катаясь на лифте. Спустившись вниз и почувствовав, что этого мало, он решил прокатиться еще и на этот раз нажал кнопку третьего этажа.

Кабина остановилась. Сквозь стальную решетчатую дверь просматривался тускло освещенный длинный коридор, по обе стороны – гримерные. В дальнем конце на стене поблескивал телефон, рядом имелся проход в комнату сторожа,

дверь в которую была открыта. А через секунду рядом с лифтом, шаркая ногами, появился и сам охранник, старик Фербелоу, с редкими, всегда растрепанными седыми волосами, в очках в металлической оправе.

Адам, понимая, что надо как-то объяснить свое присутствие, открыл дверь кабины и поздоровался.

Сторож облегченно вздохнул:

– А, это вы, сэр.

Пояснив причину позднего появления, Адам добавил:

– Я удивлен, что вы до сих пор бодрствуете.

– А я, мистер Лангли, всегда ложусь спать после полуночи.

И дверь служебного входа не запираю. Но там внизу холодно, поэтому сижу здесь.

– Конечно, будет холодно, – заметил Адам, – если дверь распахнута.

– По-другому нельзя, сэр. Ведь электрический свет включен, а эти лампочки выделяют вредные газы. Так что, пока они горят, требуется вентиляция.

Адама удивил этот странный предрассудок, но разубеждать старика-сторожа он не стал, а быстро попрощался и покинул театр. Отойдя на некоторое расстояние, он увидел, как к служебному входу подъехал автомобиль, из которого вылез мужчина и поспешно вошел в театр. Адаму, конечно, хотелось узнать, что за посетитель мог быть в столь поздний час, но он счел свое любопытство праздным. А когда пришел в отель, вообще об этом забыл.

А в то же самое время в примерной, расположенной почти напротив комнаты сторожа Фербеллоу, где дверь была широко раскрыта, прохладный сквозняк слабо покачивал тело Эдвина Шортхауса. Он висел в петле на веревке, закрепленной на вделанном в потолок стальном крюке. Вербка время от времени поскрипывала, но тихо, почти неслышно.

Глава 6

– У преступника бедное воображение, – недовольно проговорил Джервейс Фен. – По улицам расхаживают физики-атомщики, брюзжа на политиков, злоупотребляющих их достижениями, а он выбрал себе в жертву незадачливого оперного певца.

– Вы говорите так, потому что не знали Шортхауса, – сказал Адам. – Уверяю вас, горевать по нему никто не будет.

Они остановились у края тротуара, собираясь пересечь Сент-Джеймс-стрит. В лицо дул ветер со снегом.

Их было трое. Адам, Джервейс Фен, профессор английской литературы и по совместительству детектив, а также шеф полиции Оксфорда сэр Ричард Фримен.

– Но это все равно потеря, – продолжил Фен, когда они наполовину перешли улицу. – Насколько мне известно, покойный был хорошим певцом.

– Хорошим, – согласился Адам. – Иначе бы его не стали держать в трупке. – Он на секунду замолк. – Я смотрю, снегопад усиливается.

– Мне кажется, вы поспешно сочли это убийством, – произнес сэр Ричард Фримен. Он двигался, прямо держа спину, коротким решительным шагом. – Инспектор Мадж доложил мне, что обстоятельства указывают на самоубийство.

Фен понимающе кивнул:

– Ну если Мадж так считает, тогда... Ну, что же, самоубийство, так самоубийство... Честно говоря, данное дело меня не сильно интересует. Кто такой этот Шортхаус? Родственник композитора?

– Да, – сказал Адам, – Эдвин брат Чарльза Шортхауса. Он пел во многих его операх, но особенно ему удавался Вагнер. Эдвин пел партии Вотана в «Валькирии», Сакса в «Мейстерзингерах», короля Марка в «Тристане и Изольде», рыцаря Грааля Гурнеманца в «Персифале». А когда здесь решили ставить «Мейстерзингеров», разумеется, на партию Сакса пригласили его.

Они поравнялись с пабом.

– Хорошо бы выпить пива, – задумчиво проговорил Фен. – Но, пожалуй, рановато. – Он взглянул на собеседников: – Так вы говорите, Шортхауса повесили?

– Вполне возможно, – отозвался сэр Ричард Фримен. – Но причина смерти не удушение.

– Перелом шейных позвонков?

– Или свернута шея. Придем на место, там уже должно быть заключение медицинской экспертизы.

– Вообще-то инсценировать такого рода самоубийство не просто, – заметил Фен. Его румяное, обычно веселое лицо теперь посуровело. – Тут нужны изобретательность и сноровка. – Он застегнул на верхнюю пуговицу свой безразмерный плащ, убрал со лба влажные каштановые волосы и поправил на голове весьма примечательную шляпу. Соро-

катрехлетний профессор был голубоглаз, худощав и долго-вяз. – Я слышал, этот Шортхаус устраивал скандалы на репетициях.

У отеля «Рандолф» они повернули на Бомон-стрит.

– Вот именно скандалы, – согласился Адам. – Лучше не скажешь. – Он посмотрел на шефа полиции: – Надеюсь, вы не возражаете, если в театре к нам присоединится моя жена?

– Жена? – удивился сэр Ричард. – Я не знал, что вы женаты, Лангли.

– Супруга Адама – Элизабет Хардинг, – пояснил Фен. – Я с ней еще не знаком, но знаю, что она пишет на криминальные темы, и какие-то ее работы читал. Рад случаю быть ей представленным.

– Жаль, что ваша супруга выбрала для исследования такую неприятную тему, – произнес сэр Чарльз. – А насчет ее присутствия, конечно, не возражаю и тоже буду рад познакомиться.

– Кстати, Джервейс, она собирается взять у вас интервью, – добавил Адам. – Ей заказали серию статей о выдающихся детективах.

– Выдающихся детективах? – радостно воскликнул Фен. – О, мои дорогие лапы ⁴. Вы слышали, Дик? – повернулся он к шефу полиции. – Меня причислили к выдающимся детективам.

Сэр Ричард не ответил, потому что они приблизились к

⁴ Восклицание Белого Кролика из «Алисы в Стране чудес».

служебному входу в театр, охраняемому констеблем. Рядом музыканты с инструментами в футлярах ежились под холодным ветром. В центре группы была видна арфистка.

Один из музыкантов, увидев Адама, подошел.

– Доброе утро, мистер Лангли. Вы не знаете, сегодня будет репетиция?

Адам пожал плечами:

– Если позволит полиция, то она состоится во второй половине дня.

– Но постановку не отменяют?

– Ни в коем случае. Срок премьеры, видимо, передвинут в связи с заменой Сакса.

Музыканты принялись бурно обсуждать ситуацию. Гобоист предложил пойти выпить.

Констебль отдал честь сэру Ричарду, и они вошли в театр. Миновали погруженный в полумрак пустой вестибюль и через вращающуюся дверь прошли на сцену. Издали был слышен голос инспектора Маджа. Он предлагал кому-то немедленно покинуть театр, поскольку посторонним здесь находиться запрещено. Осторожно обходя элементы декораций и осветительные приборы, они вышли на сцену, где Элизабет препиралась с невысоким энергичным инспектором Маджем, не желающим мириться с ее присутствием.

Увидев Адама, Элизабет повеселела.

– Дорогая, – произнес он радостным тоном, – позволь представить тебе шефа полиции сэра Ричарда Фримена и

профессора Джервейса Фена. – Он повернулся к спутникам: – Это моя жена Элизабет.

– Очень приятно, – учтиво произнес сэр Ричард с небольшой хрипотцой в голосе и скосил глаза на инспектора. – Успокойтесь, Мадж. Все в порядке.

– Как скажете, сэр, – пробормотал инспектор не очень довольным тоном.

Фен, глядя на Элизабет, светился лучезарной улыбкой.

– Очень рад знакомству. Мы с Адамом старые приятели.

Сэр Ричард оглядел сцену и тонущие во мраке ряды партера, затем повернулся к инспектору:

– Это случилось здесь?

– Нет, сэр, – ответил Мадж. – Место происшествия – примерная.

– Так ведите нас туда. Здесь нам делать нечего.

– Фербелу! – позвал инспектор.

Через несколько секунд из призрачной дымки материализовался пожилой сторож и, прищурившись, вежливо поздоровался.

– Фербелу, – сказал инспектор, – вы пойдете с нами в примерную и расскажете сэру Ричарду то, что вам известно.

– Кто это? – вполголоса спросил шеф полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.